

К 75-ЛЕТИЮ Б.З. ДОКТОРОВА

6 июня исполнилось 75 лет Борису Зусмановичу Докторову — известному российскому социологу, доктору философских наук, профессору, члену редколлегии «Социологического журнала». Редакция и редколлегия сердечно поздравляют юбиляра с этой датой! Мы желаем Борису Зусмановичу отменного здоровья, неиссякаемой жизненной энергии, осуществления всех творческих планов. Благодарим его за активную работу на посту члена редколлегии нашего журнала и за преданное служение российской социологии!

В последнее десятилетие широкую известность получил вклад Б.З. Докторова в биографические и историко-социологические исследования советской и постсоветской социологии в России. По этой проблематике им написан целый ряд книг и статей, собрана обширная биографическая база интервью с российскими социологами разных поколений. Вниманию читателей предлагается статья, в которой Докторов делится замыслами и идеями своего проекта, а также приводит фрагменты из интервью с представителями шестого поколения социологов, дающие богатый материал для анализа межпоколенной коммуникации ученик—учитель.

Б.З. ДОКТОРОВ, Д.Г. ПОДВОЙСКИЙ, Д.М. РОГОЗИН

ШЕСТОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ УЖЕ ПИШЕТ НАШУ ИСТОРИЮ

DOI: 10.19181/socjour.2016.22.2.4263

Аннотация. Теоретический пласт настоящей статьи знакомит читателей с рядом концептуальных положений и выводов историко-социологического исследования Б.З. Доктора, которое базируется на интервью с российскими социологами. Эмпирический раздел составляют фрагменты интервью Доктора с Д.Г. Подвойским и Д.М. Рогозиным, которые дают представление о преподавательском стиле Г.С. Батыгина и раскрывают некоторые черты его личности. В типологии поколений российских социологов, разрабатываемой Докторовым, Батыгин относится к IV профессиональной генерации, а Подвойский и Рогозин — к VI. Воспоминания молодых социологов о своем наставнике дают пример эффективной межпоколенной коммуникации в социологическом сообществе и освещают некоторые аспекты нашей современной истории. Авторы рассматривают настоящую статью как дань уважения Г.С. Батыгину — пионеру использования биографического метода при изучении истории российской социологии.

Ключевые слова: история российской социологии, типология поколений российских социологов, коммуникация между поколениями, биографический метод, Г.С. Батыгин.

В 2015 г. мы простились с несколькими социологами из исходно небольшой группы ученых, создававших советскую/постсоветскую социологию. В первые дни года не стало А.В. Баранова, летом ушел В.А. Ядов, вскоре — С.А. Кугель и В.Э. Шляпентох, в самом конце года — И.В. Бестужев-Лада. Если вспомнить и тех, с кем мы простились в последние несколько лет, — Г.М. Андрееву, Б.А. Грушина,

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, независимый исследователь (США). **Электронная почта:** bdoktorov@inbox.ru

Подвойский Денис Глебович — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.

Адрес: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2.

Электронная почта: dpodvoiski@yandex.ru

Рогозин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, заведующий лабораторией методологии социальных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. **Адрес:** 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11, корп. 1, комн. 404. **Телефон:** +7 (916) 482-30-35.

Электронная почта: nizgor@gmail.com

Ю.Н. Давыдова, Т.И. Заславскую, А.Г. Здравомыслова, Л.Н. Когана, И.С. Кона, В.В. Колбановского, Ю.А. Леваду, В.Д. Патрушева, М.Н. Руткевича, В.Н. Шубкина, — то приходится признать, что почти «сточилась» естественная, в течение многих лет формировавшаяся вершина поколенческой пирамиды нашего профессионального сообщества. В настоящее время в нашем цехе число 20-, 30-, 40-, 50-летних ученых, вошедших в социологию в перестроечные и постперестроечные годы, много и много больше числа тех, кто пришел в социологию до начала 1980-х. Наряду со многими другими обстоятельствами такая ситуация актуализирует изучение прошлого и настоящего российской социологии, как и размышления о ее будущем.

Более десяти лет назад началось мое историко-социологическое исследование, информационной базой которого стали глубинные биографические интервью с российскими социологами. Поначалу и у меня, и у многих моих коллег были сомнения в обоснованности использования метода интервью по электронной почте, но через несколько лет такого рода сомнения ушли. Во-первых, за прошедшие годы данный вид коммуникации превратился в обыденность, во-вторых, в процессе работы удалось найти такую процедуру общения, которая оказалась релевантной проблематике биографического анализа. Доказательством подобного заключения является тот факт, что к настоящему моменту проведено около 150 интервью с социологами разных возрастов, живущими на всей территории России от Калининграда до Комсомольска-на-Амуре и работающими в академической системе, университетах и независимых аналитических центрах.

Добавлю: это не короткие журналистские или узкотематические интервью, но беседы, которые, как правило, продолжались несколько месяцев и итоговый текст которых весьма объемён — от 1,5–2 до 10 и более авторских листов. По своему формату это не формализованное интервью, а беседа, в которой активны оба собеседника. По сути, задаются лишь несколько векторов разговора: семья респондента и его первичная социализация вплоть до окончания школы; путь к высшему образованию; вхождение в социологию; профессионализация. Обсуждение двух последних тем включает вопросы и ответы о наставниках, коллегах, исследовательских направлениях. В совокупности интервью содержат данные о жизненном пути и творчестве (делах) социологов и тем самым образуют информационную основу для, по моему убеждению, многолетних историко-социологических исследований. Жизненный и профессиональный опыт каждого из моих собеседников — это особый мир, и наиболее полно он может быть освещен лишь самим респондентом. Биография каждого социолога вплетается в историю всего нашего профессионального сообщества, и складывается *человекоцентричное* описание прошлого-настоящего-будущего этого сообщества.

Вскоре после начала исследования стало ясно, что историю отечественной социологии должно писать само социологическое сообщество, что она должна быть *многолюдной* и у нее должно быть много *авторов*. Сегодня можно сказать, что отчасти это удалось реализовать. Почти полторы сотни интервью — уже немалое число соавторов. К тому же практически каждый из моих собеседников рассказал о своих учителях, наставниках и коллегах — и ныне живущих, и умерших. А это уже несколько сотен человек, участвовавших в создании нашей науки.

В 2007 г., когда количество завершенных и находившихся в процессе подготовки интервью превысило десяток, потребовалось некое правило для упорядочения собранной информации. Ответом на этот вызов стало построение «лестницы» социологических поколений, то есть схемы, в которой учитывался бы возраст интервьюируемых социологов, но которая при этом была бы априори соотнесена с информацией о возрасте тех, кто стоял у истоков отечественной социологии, и с традициями типологического анализа. Моих собственных данных было недостаточно для разработки поколенческой классификации, я активно пользовался материалами книги «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах» (1999), вышедшей под редакцией Г.С. Батыгина.

Сама идея поколенческого анализа в историко-социологическом исследовании не была новой, но она оставалась лишь обозначенной, заявленной, не была проработана. Отчасти потому, что ни у кого не было большого массива биографий и, соответственно, не возникало потребности в ее сжатии.

Пифагорейский подход к конструированию шкалы поколений, выразившийся во введении системы поколений равной продолжительности (12 лет), вызвал недоумение и критику ряда исследователей, но при этом почти за десятилетие никто не предложил своего подхода к *целостной поколенческой стратификации* нашего профессионального сообщества. В процессе дальнейшей работы система поколений как технологический инструмент превратилась в базовую конструкцию развиваемого мною *поколенческо-функционального* анализа. Оказалось, что многие особенности истории советской и постсоветской социологии раскрываются при изучении динамики поколений и присущих им доминантных функций.

Опуская описание процедуры построения рассматриваемой шкалы, укажу лишь границы поколенческих интервалов: I поколение — 1923–1934 г. р., II поколение — конец 1920–1934 г. р., III поколение 1935–1946 г. р., IV поколение — 1947–1958 г. р., V поколение — 1959–1970 г. р., VI поколение — 1971–1982 г. р. и VII поколение — 1983–1994 г. р.

Процесс сбора информации начинался с интервьюирования представителей первых трех поколений; тогда самые старшие подходили

к 80-летию, младшие — к 60-летнему рубежу. Мне казалось, что лишь они — хранители информации о былом. Но достаточно быстро пришло понимание того, что само прошлое — продолжительное, и настоящее очень быстро становится прошлым. Вскоре начались беседы с социологами IV поколения. Я уехал из России в начале 1994 г., поэтому практически не знал исследователей V генерации, тем более следующих, поэтому долго не проводил интервью с ними. Лишь в 2013 г. я начал освоение V поколения и через год — двух следующих. К началу 2016 г. проведено 20 интервью с социологами V поколения, 21 и 10 интервью соответственно — с представителями двух следующих генераций.

Специфика социологов VI и VII поколений, как и младших представителей V генерации, заключается в том, что все они входили в социологию в начале 1990-х и позже, то есть они — первые «в чистом виде» российские постсоветские социологи, причем и ранняя социализация многих из них прошла в перестроечные и постперестроечные годы. Уже первичное изучение содержания бесед с представителями этих поколений (31 интервью) эмпирически зафиксировало новые модели прихода в социологию, качественно отличные от траекторий, характерных для «старших». Они шли с иным социо- и общекультурным багажом, многие из них получили базовое социологическое образование и/или приобретали социологическую подготовку в магистратуре. Как правило, они делали свои курсовые и дипломные проекты по тематике, отражающей постперестроечную реальность, тем более это относится к магистерским и кандидатским исследованиям. Наставники, консультанты, руководители многих из них прошли обучение в западных университетах и научных центрах, имеют ученые степени зарубежных университетов. В процессе обучения или вскоре после окончания университетов социологи этих генераций сами проходили стажировки, обучение в Англии, Германии, США, других странах.

И, пожалуй, самое главное — на их профессиональное и общекультурное развитие большее влияние оказали социологи IV и V поколений, чем первых трех. Во-первых, между «молодыми» и учеными первых поколений уже существовала значительная возрастная разница, что нередко затрудняет контакт между людьми. В нашем же случае «молодые» видели в старших представителях ушедшей «советской» социологии людей ментальности своих родителей и более старших членов семьи. Во-вторых, уже существовал значительный слой социологов «средних» возрастов, представители которых читали лекции, вели семинарские занятия и общались со студентами «по душам», помогали им делать первые шаги в науке. Есть и третье обстоятельство: на многих новых факультетах и кафедрах социологии вообще не было преподавателей первых поколений.

Таким образом, историю российской социологии и прежде всего развитие нашей науки в перестроечные, постперестроечные годы

и первые полтора десятилетия нового столетия невозможно описать и понять без опоры на воспоминания сегодняшних 20-, 30-, 40-летних исследователей. Их истории становятся неотъемлемой составной частью нашей историографии. Содержание рассказанного ими имеет особую ценность для понимания многих процессов коммуникации в нашем профессиональном сообществе, в частности межпоколенных процессов.

Прежде всего, сказанное выше фиксирует сам факт того, что изучение биографий социологов VI и VII поколений уже осуществляется. Приведенные ниже воспоминания двух социологов VI поколения — Д.Г. Подвойского и Д.М. Рогозина — о Г.С. Батыгине — это фрагменты из весьма обстоятельных интервью с ними, которые состоялись в 2014–2015 гг. Полный текст интервью с Подвойским включен в мою онлайн-книгу [3], интервью с Рогозиным готовится в виде отдельного издания [4].

Выбор именно этих фрагментов наших бесед — производная ряда объективных и субъективных причин. Во-первых, в течение многих лет я дружил с Батыгиным, и я вижу, что сказанное Подвойским и Рогозиным легко вписывается в мой образ Батыгина и дополняет, уточняет рассказанное о нем его коллегами и друзьями, что, на мой взгляд, свидетельствует о валидности их описаний. Во-вторых, данный материал вводит нас в обозначенную выше сферу межпоколенной коммуникации в социологическом сообществе и, в частности, предлагает нам одну из моделей эффективного общения между преподавателями и студентами. В-третьих, эта статья — дань нашего уважения Г.С. Батыгину — пионеру использования биографического метода в изучении истории российской социологии.

**Из интервью с Денисом Подвойским:
Добрый гений фальсификационизма**

Нашелся кто-нибудь, кто помог Вам разобраться в Ваших мыслях и как-то справиться с текстом¹?

Человеком, перетряхнувшим все в моей голове, оказавшим огромное влияние на мою последующую «идейную эволюцию», стал Геннадий Семенович Батыгин. По отношению к моим затянувшимся юношеским штудиям он выступил своего рода «запоздалым добрым гением фальсификационизма», тем, кто с легкостью и при этом с большим изяществом и тактом обрушил созданную мною необоснованно амбициозную интеллектуальную постройку. Причем обрушение это произошло не мгновенно, оно происходило медленно, как процесс, — в моем сознании, а субъектом деконструкции был я сам. Здание, как

¹ Имеется в виду рукопись кандидатской диссертации Д.Г. Подвойского. — *Прим. ред.*

я смею надеяться, все же не обратилось в пыль, но скорее в руины, которые при желании можно было использовать для будущих — не столь грандиозных, но насущных — целей: приблизительно как жители Средиземноморья употребляли части разрушенных храмов, театров, акведуков, древние могильные плиты при строительстве своих домов, а фрагменты рядов античных колонн — для развешивания сохнувшего белья.

С Геннадием Семеновичем я познакомился в 1995 г., однако наше плотное общение приходится на последние четыре года его жизни, где-то с 1999-го. Даже в эти годы я не относился к кругу его ближайших учеников, как, например, Дмитрий Rogozin или Иван Климов. Он никогда не называл меня по имени и на ты при закрытых дверях. Многие помнят его «избыточный» формат вежливости в речевых этикетах по отношению к коллегам и студентам. Я совсем не был посвящен в его личные дела и проблемы. Когда мне сообщили, что его не стало, я буквально оторопел: я не знал, что он по лезвию ножа ходит, что он сердечник со стажем. А ведь он так много курил, на велосипеде катался, работал как проклятый. Тогда у меня сразу же начали всплывать его фразы типа: «А ведь я мог бы не дожить до конца советской власти, вот было бы досадно».

Геннадий Семенович работал у нас на кафедре «привилегированным» совместителем, приходил один раз в неделю и рассказывал про то, что ему в данный момент было интересно, — и этот материал легко укладывался в рамки дисциплин «Общая социология», «История социологии», «Методология социологического исследования». Его перекидывали с курса на курс, потом на магистров поставили. Нас с ним (как лектора и семинариста) то спаривали, то распаривали. В любом случае семинарист тогда был совершенно автономной фигурой и мог фактически строить свои преподавательские действия независимо от лектора. При первой или второй встрече он подарил мне свою свежеезданную книгу по методологии социологических исследований; поначалу я посещал его лекции, более или менее покрывающие материал, излагаемый в ней. Потом перестал. Жил я тогда очень далеко от университета, а занятия у нас были обычно в разные дни. Хотя Геннадий Семенович сразу произвел на меня хорошее впечатление, и было ясно, что передо мной «несоветоидный»² тип обществоведа, я все же проявил общую холодность, прежде всего к тематике его тогдашних лекций. Я подумал тогда: ну, высоколобый «эмкашишник»³, «теоретик и методолог» эмпирических исследований, правда, очень умный, мыслящий широко и глубоко. О других областях его интересов я ничего не знал.

² Выражение Л.Г. Ионина.

³ Специалист по методике конкретных социологических исследований — «локальный» (соцфак МГУ, 1990-е гг.) студенческий жаргон. — *Прим. ред.*

Проходят годы. Отношения — почти «здрасьте — до свидания», «как поживаете?». Ну, иногда вместе экзамены принимали — они тогда еще устные были. Ему коллеги по кафедре сообщили, конечно, что этот «ненормальный» пишет там чего-то, диссертацию защищать не собирается и вообще всю статистику портит. Не знаю уж, попросили его со мной «поработать» или он сам вызвался. Но факт тот, что Геннадий Семенович начал подробно расспрашивать о моих стратегических исследовательских планах и текущем их состоянии и предлагать свою помощь. Какое-то время я даже его «динамил», говоря, что рано еще: работа, мол, не завершена, вот как допишу, Геннадий Семенович, — сразу к Вам! Мне даже передавали его шуточный вопрос, заданный на кафедре в мое отсутствие: «А профессор Подвойский тут, случаем, ничего не оставлял для ассистента Батыгина?». Я тогда явно не осознал, с ученым какого масштаба имею дело.

Но в 1999-м я вроде как дозрел. Тогда с оргтехниккой было гораздо хуже, и процессы производства и обработки текстов сильно растягивались. Мы встретились с Геннадием Семеновичем в Шанинке, куда я притащил в двух руках четыре здоровенные папки с текстом, озаглавленным «Россия в XX веке: опыт концептуальной интерпретации логики общественно-исторического развития». Сохранились его карандашные комментарии. Так, на заглавной странице две части названия обведены с разъясняющей пометкой: «плеоназм». А в верхней части той же страницы написано: «Получился роман». Лариса Алексеевна Козлова рассказывала мне потом: когда Батыгин принес эти папки, она спросила: «Ты что, все это будешь читать?». А Геннадий Семенович ответил что-то вроде: «Он ведь совсем один, мается, надо помочь»...

Через какое-то время папки ко мне вернулись вместе с нижеприведенным письмом. Письмо это, как и неофициальный отзыв Батыгина на моей защите, я привожу здесь не только потому, что содержащаяся в них информация сильно повлияла на меня лично, но и потому, что данные тексты кажутся мне образцом блестящей, отрезвляющей, побуждающей к размышлению научной критики, а также могут быть потенциально адресованы множеству обществоведов, стремящихся высказывать свои «ценные» и «не очень» соображения по поводу «особых путей» развития России. А в последнее десятилетие об этом говорят буквально все, кому не лень. Сегодня у нас почти каждый считает себя специалистом по русскому менталитету и национальному характеру.

«Уважаемый Денис Глебович!

Позвольте извиниться за слишком длительное чтение Вашей работы (зато читал внимательно) и предложить Вашему вниманию мои комментарии. Я попытаюсь сформулировать их в максимально отчетливой форме, без опасения затронуть Ваше самолюбие, поскольку уверен в Вашем профессионализме и способности критически отнестись и к критике, и к дифирамбу.

Прежде всего, я должен разделить вопрос о защите диссертации и мои соображения о том, куда идет Россия. Вы вложили огромный труд в решение вопроса о дуализме российского пути. Однако здесь я мало могу быть Вам полезен, потому что практически ничего не понимаю в этом, хотя моя специализация и связана с историей России. Это скорее вопрос публичных дебатов или увлеченности русской идеей, чем профессиональный вопрос. Несомненно, Россией можно и нужно заниматься, можно защитить диссертацию. Но дело не в диссертации. Я думаю, что рассматриваемые Вами особенности России созданы великой русской литературой. В центре этого стиля — Бердяев. Этатизм, культурная самобытность, эсхатологизм, военный тип общества, преобладание нравов над законом — все это кажется мне литературными образами России, столь же впечатляющими, сколь впечатляющи образы евреев, англичан, чукчей. Я могу поверить, что черта русских — отвращение к систематическому труду, но эта вера безосновательна так же, как и убеждение в том, что евреи — трудолюбивые проходимцы, а протестанты — честные и бескорыстные работники. Я не могу поверить также, что русские — припадочные мазохисты (недавно читал об этом обзор), что Россия создает принципиально отличную от западной науки форму мысли, которой нет названия, но которая похожа на исихазм и причащение богу. В книге «Этика любви...»⁴ Ю.Н. Давыдов связал способность любить с Россией, а способность рассуждать, лгать и своевольничать — с Западом. Вот и у меня в журнале опубликована статья «Патриотизм»⁵ о метафизике любви (прежде всего к России). Аналогичные «переносы» присущи историческим и социологическим суждениям о пролетариате и буржуазии, женщинах и мужчинах, расах и т. п. Но я не верю, что русской душе (по Бердяеву) присуще вечное искание таинственного града Китежа, стремление к запредельному. Даже если бы и верил в Россию и все, что ей приписывается, суть дела бы не изменилась. Проблема в том, что «Россия» не может быть предметом дисциплинарно организованного знания. Ваша работа кажется мне качественно выполненным образцом публицистического рассуждения, которое нельзя ни опровергнуть, ни принять. Например, «закон олигархизации» и универсальная тенденция к демократизации, триада «массовизация — демократизация — дезэтатизация» вполне убедительны, но возразить нельзя, потому что сама стилистика текста не предполагает опровержения. Должен сказать, что пишете Вы ясно и правильно, но стилистика оставляет желать лучшего. Многие фрагменты (особенно эпиграфы) претенциозны и театральны — пожалуйста, не обижайтесь. Например, в начале века самым популярным был эпиграф «Не плакать, не смеяться, а пони-

⁴ Речь идет о книге «Этика любви и метафизика своеволия» [2].

⁵ Имеются в виду статьи А.Н. Малинкина, опубликованные в «Социологическом журнале» в 1999 г. (№ 1/2, 3/4).

мать”, и я был удивлен, увидев его в Вашей работе. Я очень не советую Вам рисовать графики исторического пути России, особенно цветом.

Основной вопрос научной работы — качество материала (для историка — источники). Ваша работа основана на цитатах, кажущихся убедительными в силу их выразительности. Но когда дело доходит до конкретных проблем, обсуждать практически нечего. Мне как историку общественных наук в СССР в 40-е годы из российских сюжетов более всего близка история большевизма и “тоталитаризма”. Но Ваши оценки революции и советской истории не опираются на серьезные источники. Уже много лет идет дискуссия между “тоталитаристами” и “новыми ревизионистами”. <...> Стоит посмотреть монографию Айзенштадта по истории империй. Другой вопрос, который обязательно требует качественных источников (в отличие от вопроса о культурной самобытности), — это влияние природно-климатических факторов на хозяйственный уклад. Есть очень сильные работы. Сейчас без ссылки на исследования Милова об этом писать не принято. А у Вас серьезно рассматриваются суждения Монтескье о величине территорий.

Я должен еще раз повторить, что Ваша работа выполнена качественно, лаконично (несмотря на несоразмерный объем) и, главное, концептуально. Ее можно опубликовать в качестве книги. Вырезав ее часть, можно уверенно защитить диссертацию. Например, можно взять главу о культуре (третья папка) и без особых трудностей скомпоновать из нее диссертацию, не выходя за пределы избранного Вами жанра.

Но у меня есть и неординарная рекомендация. Я считаю, что Вам следует прекратить увлечение российской идеей, поскольку Вы способны к профессиональной научной работе. О российской идее можно вещать, а исследовать ее нельзя. Вещателей и без Вас достаточно. Советую Вам написать диссертацию по истории социологии на тему “Масса как субъект социального действия”. В первой папке есть крепкий текст о массовизации. Задача заключается в том, чтобы сделать на его основе хороший обзор исследований массового сознания и поведения и посмотреть теоретическим взглядом на эту проблему. Это будет серьезным вкладом в наше ремесло.

Еще раз прошу не обижаться, если я загнул что-нибудь не то. Буду рад быть Вам полезным.

27 июня 2000 г. Г.С. Батыгин».

Очень батыгинский текст... После этого письма и, наверное, Ваших разговоров с Геннадием Семеновичем Вы смогли определиться с кандидатской диссертацией?

Вполне вероятно, что, если бы мои папки попали к кому-нибудь другому, реакция была бы иной. Но об этом можно только гадать. Глупее всего было бы сделать вывод, что уважаемый профессор ничего не понял в вашем «гениальном» произведении, не оценил его

по достоинству. Критика была достаточно взвешенной, отнюдь не «отфонарной». Я зализал раны и порадовался, что меня «побил хороший человек» и... правильно сделал — так мне и надо. Была принята предложенная в вышеприведенном письме программа минимального преобразования части, посвященной культуре. За полгода я превратил указанный фрагмент в «диссертабельный» текст и вышел на защиту.

Сама защита была событием весьма примечательным, очень отличающимся от типового случая «стандартных» вузовских защит эпохи девяностых — двухтысячных. Защищался я как соискатель, по основному месту работы. Батыгин — научный руководитель. Оппоненты — люди вполне предсказуемые, один из них — Виктор Иванович Шамшурин, вообще, по словам Батыгина, человек «близкий ко мне по мировоззрению». Но Геннадий Семенович предупредил: «Денис Глебович, готовьтесь, я буду с Вами полемизировать». Его отзыв, как и полагается диссертационным документам, был доступен мне заранее. Так что я был осведомлен, да и мотивы основные возможной полемики были к тому времени уже не раз проговорены в ходе многочисленных личных встреч. Вообще, письменный отзыв научного руководителя не являлся обязательным в списке бумаг, требующихся для защиты, и его, конечно, никто, кроме меня, не читал. Хотел ли Геннадий Семенович тем самым «закрепить урок» или же обеспечить мне интересную, полноценную защиту — думаю, и то и другое. Происходит защита — выступаю, отвечаю на вопросы, оппоненты дают благожелательные отзывы, отвечаю на их замечания, и тут выступает Батыгин — по существу дела, а не с формальной оценкой личности диссертанта, говорит спокойно, негромко, обстоятельно развертывая свои мысли. Сказал он приблизительно следующее⁶:

«Положение о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий обязывает меня обратить внимание научного сообщества на личные и профессиональные качества соискателя, имеющие важное значение для оценки проведенного им диссертационного исследования. Д.Г. Подвойский является опытным, высококвалифицированным специалистом. Его методологическая подготовка, общий уровень исследовательской культуры и компетентность в истории социальных и философских учений заслуживают высокой оценки. Работа над диссертацией продолжалась много лет, и теоретические установки Д.Г. Подвойского можно считать вполне сформировавшимися. Моя роль в руководстве диссертационной работой сводилась преимущественно к рекомендациям по организации материала и его лексико-фразеологической обработке, и мои представления об антиномии “Россия — Запад” значительно отличаются от позиции моего коллеги-диссертанта, которую я глубоко

⁶ Далее публикуется текст неофициального отзыва о диссертации, произнесенный на защите. — *Прим. ред.*

уважаю и рассматриваю как серьезный вклад в социальную теорию. Основные положения и выводы работы сформулированы предельно ясно и лаконично, и, несмотря на значительный объем, текст диссертации исключительно информативен и в определенной степени реферативен — за ним стоит серьезная работа, содержание которой выходит за рамки указанной темы. Несомненно, что работа будет продолжаться, и данное обстоятельство обязывает меня отнестись к основным положениям и выводам диссертации Д.Г. Подвойского критически и — в надежде на добровольный отказ автора от разделяемых им теоретических установок — указать на недостаточно обоснованные суждения. Это как раз тот случай, когда научному руководителю можно выполнить задачу неофициального оппонента.

Д.Г. Подвойский недостаточно критически принимает общую установку неокантианской философии на радикальное разделение номотетического и идиографического методов и, соответственно, наук о природе и наук о культуре. Действительно, если постулировать культуру — ценности и субъективно полагаемые смыслы — в качестве предмета социологического и социально-философского исследования, то волей-неволей приходится интерпретировать эти ценности как культурно (и отчасти религиозно) замкнутые “монады”. Когда Вебер не выходит за рамки номиналистических рассуждений, он вынужден принять за аксиому смысловую замкнутость индивидуального действия, понять которое можно только при условии (als ob) его логичности и рациональности (или, на крайний случай, переживания). Отсюда необходимость конструирования “идеальных типов” действия, которые служат у Вебера средством обнаружения рациональных объяснительных моделей в формах знания. У Канта эта задача решалась применительно к чистому разуму и рациональной морали. А у Вебера, стремившегося конвертировать Канта в социологию (в нечистый разум), это допущение очень неубедительно — стоит только вслед за Парето представить значение рациональных “производных” и иррациональных “осадков” в структуре действия. На социетальном уровне (на уровне “союзов”) Вебер вынужден мистифицировать религиозные ценности в качестве “интереса эпохи” и подойти к вечной теме несопоставимости истины добра и красоты и “войны богов”. Д.Г. Подвойский тоже мистифицирует культурный детерминизм и развивает веберовскую идею исходя из убеждения в уникальности русского культурно-исторического типа. Здесь, как и во многих других эпизодах в истории социальной мысли, влияние публицистики Н.А. Бердяева способствовало принятию на веру таких описаний, которые на веру принимать не следует. Типичными для российской общественной жизни Д.Г. Подвойский считает “антибуржуазность”, коллективизм, хозяйственный и политический индифферентизм, революционный деструктивизм. Образ таинственной русской души связывается в дис-

сертации с эсхатологизмом. Здесь следует указать на явный недостаток диссертационного исследования, связанный с кажущимся пренебрежением автора к конкретному материалу по социальной истории России, истории хозяйственных, семейных и культурных институтов и истории “повседневности”. Ориентация преимущественно на философские источники сопряжена с невниманием к опровергающим фактам и форсированием подтверждающих иллюстраций. Например, антибуржуазность и антиутилитаризм присущи и новоевропейским и современным религиям спасения и массовым протестантским движениям на Западе. Идеологии эпохи “позднего капитализма” пронизаны духом антибуржуазности, однако в шелеровском “Ресентименте” великолепно показана и вырожденная буржуазность “антибуржуазных” (в том числе пролетарских) ценностей. Советская история в этом отношении — образец буржуазной модернизации. С коллективизмом дело обстоит не менее сложно. Если речь идет о развитии частного права как маркере индивидуализма, то в России, действительно, господствовал коллективизм, но никакие коллективистские идеологии (и общинная, и пролетарская) не могут приписываться культурному типу как таковому. “Хозяйственный и политический индифферентизм” и “революционный деструктивизм” также представляются мне рецепцией мифа о русской душе, созданной прозападной русской публицистикой. Вряд ли можно говорить о хозяйственном и политическом индифферентизме в России после нескольких столетий почти непрерывных экономических и политических преобразований (иногда неудачных). Еще более сложен вопрос об эсхатологизме. Если не принимать в расчет богословскую традицию, связанную с учением о последних временах, Страшном суде, миллениуме и искуплении («И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца...»), то под эсхатологией, скорее всего, имеются в виду бытовавшие в публицистике XIX века представления о смысле жизни и предназначении человека. В этом отношении русская ментальность совершенно не эсхатологична. Д.Г. Подвойский верно формулирует идею: моральное кредо эсхатологической ориентации выражено в безапелляционном высказывании, что мир есть зло. Если так, то эталоном эсхатологизма является альбигойская ересь. Иными словами, пока человек жив, он должен готовиться к расплате — таким образом эсхатологизм сопрягается с непрерывным изживанием греха. Но и тот феномен культуры, который Макс Вебер и Д.Г. Подвойский считают образцом капиталистического этоса, — протестантизм — также изрядно эсхатологичен и пронизан деструктивизмом. Кальвинистская установка, избранная Вебером в качестве паттерна западного высокоморального отношения к миру, была изначально связана с кровавым насилием, иконоборчеством и ненавистью ко всем формам культуры, а не только к римскому первосвященнику. В литературе по истории

идей есть опыты связывания русского революционаризма XIX — начала XX века с религиозно-реформационным процессом. Европейский протестантизм породил и такие опасные литературные жанры, как утопия и дискурс о справедливости, привившиеся в русской литературе. В какой мере российская ментальность эсхатологична? Я не вижу решения проблемы без ее четкой локализации. Но в любом случае исследователь не должен верить чисто литературным образцам национальных и социальных характеров — слишком велик риск этнографических мистификаций. <...> Здесь лучше быть скептиком и историком.

Второе мое замечание касается самой контroversы “Россия - Запад”. Кажется, что это опять же не столько социально-исторический, сколько литературный факт. “Запад” проблематизировался в русской публицистике как миф, но и в западной литературе русская *dukhovnost* изрядно мистифицирована благодаря Серебряному веку и непрерывным модификациям евразийской идеи. Во всяком случае, автор сильно преувеличивает конкретность и осязаемость проблемы “Россия - Запад”.

Все мои замечания имеют полемический характер. Автор диссертации вполне последователен в отстаивании своей позиции, которая заслуживает если не признания, то уважения... [Далее следовали финальные фразы, типичные для положительных отзывов о диссертации. — Д.П.].

15 декабря 2000 г. Профессор Г.С. Батыгин».

Это выступление окончательно пробудило диссертационный совет. Из присутствующих в зале я, наверное, был единственный, кто относительно спокойно все воспринял. Совет всполошился, все начали защищать меня и критиковать позицию руководителя — открыто, а потом (после защиты) еще и келейно. Такая реакция была естественной, так как были нарушены привычный ритуал, фоновые ожидания. Коллективные представления «добродушного» Совета были оскорблены. Но Геннадий Семенович, пользуясь своим весом в научном сообществе, смог проигнорировать мнение Совета (и правила игры) и добился своего, поскольку он обращался главным образом не к Совету, а ко мне (в надежде, что я откажусь от своих «заблуждений»). Разумеется, все это на результат защиты никак не повлияло — черных шаров у меня не было. Представление было разыграно мастерски. Одна умудренная опытом коллега, член Совета, активно защищавшая меня от нападков «злобного руководителя», сказала, когда все закончилось, что за свою многолетнюю профессиональную биографию, начатую еще в 1950-е, сталкивалась с подобным лишь дважды, и в первом (не моем) случае — в гораздо более мягкой форме. В общем, на людей мероприятие произвело некоторое впечатление. К похвалам я вообще не был особо приучен и был польщен, когда услышал от Галины Галеевны Татаровой: «Молодец, наслышана, дрался, как лев».

У Геннадия Семеновича, кстати, эта ассоциативная тема (не в отношении меня, а в принципе) часто тогда проскальзывала: «слабые нам не нужны», «надо держать удар».

В дальнейшем мотивы батыгинской критики начали прорастать во мне самом, уже независимо от личности Геннадия Семеновича. Кстати, не со всеми из них я был вполне согласен, или, даже точнее, не все из озвученных им когда-либо аргументов, казалось мне, имеют ко мне отношение. Но заявлять: «Помилуйте, ведь я так совсем не думаю», — полагая при этом, что меня неправильно поняли или недостаточно внимательно прочли, смысла тоже никакого не было. В любом случае Геннадий Семенович указал на достаточное количество реальных изъянов работы, чтобы мое собственное отношение к ней принципиальным образом изменилось.

Наше сотрудничество на этом, разумеется, не закончилось⁷. Но россияеведческий след в моей маленькой научной биографии ушел на периферию, можно сказать, что я на тот момент устал от данной темы. Не исключаю, что к ней придется еще вернуться. Хотя в новейшей обстановке «деловой и отстраненный» научный или даже философский разговор о «путях России», скорее всего, будет очень затруднен в связи с почти повсеместной глухотой и идеологической ангажированностью «квазипатриотически» и «оборонно» настроенного общественного сознания.

Геннадий Семенович при наших встречах в Институте социологии в последующие два с половиной года — в моменты перекусов — иногда надо мной подшучивал: «Денис Глебович, не хотите ли водки выпить — из холодильника? Без водки Россию не понять, специалист по русской идее должен пить водку». Я конфузился и отвечал, что я, мол, больше по коньяку или по вину (что, правда, не делало меня автоматически знатоком загадочной французской или армянской души)...

**Из интервью с Дмитрием Рогозиным:
Ответы на несколько непростых вопросов**

Дима, Вы знаете, что мы с Батыгиным были довольно близки и в исследовательских интересах, и в плане понимания истории и этики нашей науки. Но в последнее десятилетие я более имею дело с исследованиями Батыгина как историка советской социологии, чем методолога. Поэтому буду Вам благодарен за рассмотрение батыгинского методологического наследия.

⁷ В 2001–2003 гг. Г.С. Батыгиным и Д.Г. Подвойским был написан учебник по истории социологии (издан после смерти Г.С. Батыгина в 2004 и переиздан в 2007 г.) [5]. Подробный рассказ об этом периоде содержится в полном тексте интервью Д.Г. Подвойского, который подготовил Б.З. Докторов [3]. См. также: [6]. — *Прим. ред.*

Вопрос оказался для меня отнюдь не простым. Поэтому ответ на него занял несколько месяцев. Надо было на чем-то остановиться, что-то выделить как главное, основное, с моей точки зрения. Мысленно не раз брался отвечать, проговаривал про себя тот или иной сюжет. Благо эти месяцы много времени проводил в поездках, и были часы, чтобы порассуждать, подумать о прошлом. В одной из поездок — за рулем, где-то между Пермью и Тюменью — ответ все же устоялся, приобрел обозримую структуру...

Когда я учился в Шанинке, пропустил всего одну лекцию Батыгина — о триаде Новака. Но по иронии судьбы именно эта тема стала сквозной в моих долгих разговорах с Батыгиным и, пожалуй, центральной в его методологических поисках последних лет. Именно она инициировала интерес к феноменологической традиции, переводам Ирвинга Гофмана и Альфреда Шюца, к теории речевых актов, прагматическому повороту в социальных науках, долгим беседам с Сергеем Чесноковым и методологическим семинарам в Секторе социологии знания Института социологии РАН. Эта тема является ключом к прочтению текстов и выступлений Батыгина об особенностях исследовательской практики, о понимании способов бытования научного знания. После опубликования в «Социологическом журнале» статьи «Миф о “качественной социологии”» [1] за Батыгиным закрепился образ воинствующего «количественника», позитивиста, не приемлющего новый для российской науки качественный подход в социологии. Увы, казалось бы, внимательные к чужому слову коллеги не смогли разглядеть иронии и вызова «новым» веяниям, толчка к продуктивной дискуссии.

Если теперь вернуться к триаде Новака, то ее центральная идея безыскусна и не раз повторялась в различных исследовательских традициях, разными авторами. Сообщение, получаемое от респондента, не может рассматриваться исключительно как информация. Более того, в общении люди гораздо реже передают какие-то сведения, а чаще делятся эмоциями, переживаниями, стараются повлиять на убеждения собеседника. Удивительно, что отказ от информационной доминанты был сформулирован Новаком в период главенства метрической парадигмы, согласно которой респондент рассматривался исключительно как источник информации и совместно с интервьюером представлял собой инструмент для социальных измерений. Стефан Новак выделил три типа отношений, возникающих в ходе формирования ответа при интервьюировании: когнитивные, экспрессивные и коммуникативные. Первые отвечают за описание исследуемого объекта и составляют информационную часть сообщения. В случае вопросов, затрагивающих поведенческие аспекты, или рассказа о прошлом опыте ответ подлежит эмпирической проверке на истинность и ложность. Второй тип отношений, экспрессивный, от-

ражает эмоции и чувства респондента, эмотивную составляющую его реплики. Третий, коммуникативный, связан с самим актом передачи сообщения. Он затрагивает речевые компетенции как говорящего, так и слушающего. А в исследовательской практике позиция слушающего расширяется. Кроме интервьюера, в нее попадают исследователь и остальные участники процесса сбора и обработки данных — например, кодировщик открытых вопросов или набивщик текстов при работе с бумажными технологиями. Я уже не говорю о том, что любая реплика содержит отсылки к высказываниям других. Этнометодологи в таком случае говорят об индоксикальности, или о связи речи с различными элементами, выходящими за рамки текущей ситуации. Таким образом, казалось бы, простой акт предъявления вопроса становится чрезвычайно сложным и чрезвычайно важным для исследователя событием, в котором и формируется социальность, а не только передается некоторый набор сведений.

В такой постановке вопроса грань между количественным и качественным подходами в социальных исследованиях стирается. Само это различие становится вторичным, не имеющим отношения к базовому социальному событию — коммуникации. Другими словами, любое интервью — это прежде всего разговор, а уже потом набор некоторых техник и приемов, нагруженных предположениями (и заблуждениями) исследователя. Изучение особенностей протекания разговора и есть первейшая задача методолога. В последние годы своей жизни Батыгин находился в поиске языка описания для фундаментального социального события — разговора с респондентом. Поиски шли, казалось бы, в разных направлениях, но неизменно были посвящены одному предмету.

Во-первых, Батыгин обратился к когнитивной традиции, развиваемой американскими исследователями (Р. Туранжо, С. Садмен, Н. Брэдберн, П. Шварц), и инициировал проект в Фонде «Общественное мнение» (ФОМ), по результатам которого я написал книжку «Когнитивный анализ опросного инструмента» (2002). Помню, как он радовался, когда книга вышла в свет: «Теперь мы прославились, Дмитрий Михайлович». Ироничность высказывания не снимала оценки значимости проделанной работы. Во-вторых, много усилий было потрачено на возрождение интереса социальных исследователей к теории речевых актов и осмыслению прагматической целесообразности любого сообщения. Книги Джона Сёрля и Джона Остина долго оставались настольными у его учеников. В-третьих, Батыгин вновь и вновь обращался к социологическому наследию. И, как это ни парадоксально может выглядеть сейчас, центральной фигурой для него стал Г. Спенсер с его уникальной способностью синхронной и диахронной систематизации социального мира, выраженной в развитии эволюционной теории общества. В-четвертых,

продолжалось изучение феноменологической традиции, которая выработывала привычку скрупулезного, порой утопающего в деталях изучения социальных интеракций. Пожалуй, здесь можно в качестве центральной для Батыгина фигуры последних лет назвать Ирвинга Гофмана и особо отметить его книгу «Анализ фреймов», над переводом которой и изданием под патронатом Фонда «Общественное мнение» работал Геннадий Семенович.

В один из моих приездов в Москву мы были с Батыгиным на фомовском семинаре, не помню, мы пришли вместе или случайно там встретились. Но тогда мне показался несколько странным его интерес к технологии изучения общественного мнения. Не могли бы Вы развернуть сказанное...

Александр Анатольевич Ослон, президент Фонда, сыграл, пожалуй, центральную роль в становлении батыгинской программы исследований, проводившихся в начале 2000-х годов. Она объединяла переводные издания серии актуальных теоретических и методологических работ и ряд методических экспериментальных планов. Последние отличал двойственный характер. С одной стороны, методические исследования были направлены на решение насущных проблем и затруднений, с которыми сталкивались аналитики Фонда. С другой — работа была вынесена за рамки текущего рутинного процесса. Мы не мешали «опросной фабрике», а лишь черпали из потока ее материалов противоречия и казусы, позволявшие наполнить методические эксперименты ненадуманно важными для самих практиков задачами. Батыгин проводил много времени в Фонде «Общественное мнение». Вместе с Ослоном в обсуждениях неизменно принимала участие Елена Серафимовна Петренко. Ее эмоциональный настрой, неподдельная радость от даже незначительных успехов создавали неповторимую атмосферу сотрудничества и раскрепощенности. ФОМ сразу же стал восприниматься не как заказчик методических работ, а как среда, в которой возможно воспроизводство методологического мышления, подкрепленного вновь и вновь разрабатываемыми методическими планами. Но об этом надо писать отдельно, поскольку тема этого заслуживает...

Не обошлось в ФОМе и без казусов и недоразумений. Возглавлявшая один из участков полевой работы сотрудница весьма скептически отнеслась к нашей деятельности, пыталась поправлять Батыгина и делать ему замечания, всем своим видом показывая, что мы, витающие в облаках академические работники, вторглись не в свою область. Подобное отношение не очень нас заботило, за одним исключением. Эта сотрудница отвечала за рекрутинг испытуемых в самом, пожалуй, важном для нас экспериментальном плане. Мы определили примерные квоты по полу, возрасту и образованию, указав, что придерживаться их полностью необязательно. Это лишь приблизительный, неприн-

ципиальный для нас состав опрашиваемых. И если женщин будет не 50%, как предполагалось по плану, а, допустим, 70%, это не так существенно. Но она лишь недоверчиво на нас покосилась. В результате в тот день, когда было назначено начало эксперимента, в Фонд приехал лишь один респондент. Мы сидели и ждали. «А что же вы хотели? Очень сложно кого-то найти». Второй день мы прождали до обеда. Я был в растерянности, которую Батыгин разрешил в одно действие: «Будем рекрутировать сами». Людей с высшим образованием Геннадий Семенович взял на себя, а простых работяг находил я, бегая по улице и зазывая на экспериментальный план. В общем, за два дня набрали почти 40 человек без каких-либо проблем. В ответ мы услышали от той самой сотрудницы, что нарушаем всю работу и делаем непонятно что. Эпизод проходной. Наша работа не пострадала, и исследовательская задача была выполнена.

Случившееся весьма показательно для другой, более фундаментальной проблемы, на которую не желают обращать внимания российские обществоведы. Все участники исследовательского процесса имеют собственные представления о должном и допустимом. Их рамки соотнесенности (*frame of reference*) определяют особенности коммуникации, смещений, возникающих на каждом этапе взаимодействия с социальной средой. Своим поведением в описанной ситуации мы нарушили привычный уклад, согласно которому незыблемыми остались надуманные в данном случае социально-демографические квоты, а иные характеристики респондентов оказались вне поля зрения. Например, можно при наличии вознаграждения привлекать знакомых, проверенных в ходе других исследований респондентов или задавать своеобразные процедуры отбора, которые способны куда больше сместить структуру экспериментальных групп, нежели «нарушения» по социально-демографическим признакам. Типичная реакция ортодоксальных полстеров на такого рода ситуацию — «Вы плохо подготовили персонал, надо брать для проведения опросов других людей и точнее прописывать их функции» — отражает поразительную близорукость в коммуникативных ситуациях специалистов, которые, возможно, виртуозно владеют анализом данных, создают весьма сложные объяснительные модели. Вот только кружева такого моделирования вяжутся исключительно из собственных фантазий аналитиков, а полевой материал выступает лишь поводом, начальным толчком для разгонки натренированного воображения. Здесь мы вновь возвращаемся к триаде Новака: когнитивное отношение, отвечающее за передачу информации, за содержательную, смысловую нагрузку речи респондента, составляет куда меньшую часть коммуникации, нежели экспрессивное и коммуникативное отношения. Оно подчинено двум последним и может быть корректно интерпретировано лишь как элемент обозначенной триады.

Возможно, Вы могли бы рассказать и о других исследовательских интересах Батыгина в то время?

Батыгин выбрал нетипичную для российского обществоведа стратегию оформления результатов методологических поисков. Он почти отказался от собственных публикаций, подталкивая и стимулируя публикационную активность учеников. Практически все тексты аспирантов и студентов Геннадия Семеновича, вышедшие в свет, содержат множество его идей, порой в них угадывается батыгинская стилистика, манера построения аргументации. Но лишь в некоторых работах он указан как соавтор. Это происходило тогда, когда его собственный текст переваливал за добрую половину общего объема публикации и уже явно составлял ее смысловое ядро. Если посмотреть на развернутые в те годы исследовательские программы, реализованные под руководством и при непосредственном участии Батыгина, можно поразиться их масштабности и одновременно концентрированности на одной связующей идее — отказе от того разрыва исследовательского процесса, который возник из-за игры в разделение труда между исследователем, интервьюером и организатором полевых работ. Перечислю лишь некоторые проекты, о которых я знал и в которых как-то участвовал, хотя бы в обсуждении текущих затруднений или в поиске возможных решений.

Мария Рассохина занималась изучением метафоры в социологическом тексте, затем переключилась на дискурс о будущем, характерный для 1960-х годов. Методическая работа состояла в контент-анализе публикаций «Нового мира», в выборе единицы наблюдения и построении пространства признаков, достаточных для репрезентации того, как изменялось представление о коммунистических перспективах. Наталья Рябинская штудировала тексты Сёрля и Остина, разбираясь в теории речевых актов. Важнейшим звеном здесь стала выработка языка описания, пригодного для замера прагматической компоненты речи, для выделения базовых форм достижения тех или иных целей в разговоре, подчас скрытых за информационным потоком. Роман Бумагин изучал гендерные аспекты высказываний, рассматривал то, каким образом прочитывается в этом плане адресат сообщения. Гендерный аспект выступал своеобразным социально-культурным кодом, необходимым для расшифровки воспроизводимых в обществе отношений неравенства, кооперации и дифференциации. Галина Градосельская развивала сетевой анализ, выделяла узлы и связи в разного рода сообществах, начиная с формальных и неформальных образований академических работников и заканчивая когнитивными структурами и ментальными схемами обработки информации. Павел Арефьев занимался формированием методологии библиографического поиска, каталогизировал информационные ресурсы, определял узкие места в формировании единого интеллектуального пространства для ведения научно-исследо-

вательской работы. Наталья Дёмина описывала рецепцию мертоновского научного этоса, изучала, как развиваются и трансформируются принципы незаинтересованности, универсализма, организованного скептицизма и «коммунизма» в научной среде. Денис Подвойский последовательно реконструировал историю теоретической социологии, подробнейшим образом останавливаясь на профессиональных биографиях, исследовательских поисках и неудачах признанных классиков. Рольф Швери изучал природу рационального действия, штудировал Макса Вебера и совершенно искренне жаловался, что на немецком Вебер куда менее понятен, чем на английском или русском. Для самого Рольфа, выходца из Швейцарии, немецкий — родной язык.

Возможно, внешне иначе, но в той же ровной, этически выверенной манере складывались у Батыгина отношения с Александром Юрьевичем Мягковым. В этом случае грань между ученичеством и партнерством стерлась в самом начале их знакомства. Батыгин был у Мягкова консультантом по докторской диссертации, но защита пришлось уже на дни, когда Геннадия Семеновича не стало. У них проходили встречи как личные, так и коллективные, поэтому в каких-то дискуссиях принимал участие и я. Мягков пришел к Батыгину уже сложившимся исследователем, со своей школой, в основном с молодыми и на тот период незамужними девушками, которые поддерживали его во всех начинаниях. Всегда подтянутый, в галстуке и костюме, он демонстрировал и продолжает занимать позицию предельно точного и ответственного экспериментатора, учитывающего каждую мелочь при разработке экспериментальных планов. Проводя количественные исследования и повторяя методические эксперименты зарубежных коллег, Александр Юрьевич уделяет большое внимание правилам и нормам организации экспериментальной работы, точно воспроизводит описанные когда-то условия. Если коснуться вопроса о надежности опросного инструмента, Мягков проявляет уже забытый у нас подход, когда внимательное отношение к работам зарубежных коллег не ограничивалось дискурсивными играми и заимствованием неудобоваримой для русского языка терминологии.

Здесь любопытно другое. Я весьма критически отношусь к размышлениям и экспериментальным планам Мягкова, посвященным поиску искренних ответов и нивелированию лжи в массовых опросах. Когда Батыгин протянул мне одну из первых книг Мягкова, посвященную социально-демографическим переменным в массовых опросах, первое, что я сказал: «Не могу, Геннадий Семенович, ведь мы по разные стороны баррикады. А человек и специалист он отличный, у меня вызывает только симпатию. Зачем же писать разгромную рецензию?». «Вот именно по этой причине и надо писать — со всей критикой и недовольством. Только этим Вы и покажете свое уважительное отношение к Мягкову как высокому класса специалисту». Это была моя первая рецензия на

книгу — местами едкая, но с критикой, направленной исключительно на внутреннюю структуру текста, без каких-либо оценочных суждений, затрагивающих автора и его работу. После публикации рецензии в «Социологическом журнале» Мягков сдержанно сказал, что понял мою позицию, и поблагодарил за критику. А потом были совместные семинары, где точка зрения каждого приобретала больший вес и устойчивость. Так в рамках батыгинского близкого круга уживались, казалось бы, непримиримые оппоненты, и уживались комфортно, без каких-либо компромиссов по отношению друг к другу. Сейчас я могу сказать больше: возможность полемизировать с Мягковым стала для меня настоящим подарком, дала шанс лучше разобраться в собственной позиции. Когда теперь индивидуальная вражда или неприязнь начинается прикрываться у кого-то апелляцией к профессиональной позиции, я лишь прячу улыбку. Нет большей глупости, чем смешивать научный поиск с личными амбициями и представлениями о «правильной» науке.

Результаты работы каждого ученика или коллеги, приходящего к Геннадию Семеновичу за советом, воплощались в десятках публикаций. Участие в них Батыгина было непосредственным: начиная от научного руководства и обсуждения исследовательских проблем и заканчивая переписыванием поначалу невнятных и неказистых текстов. Наталья Мазлумянова как-то с грустью посетовала, что раньше, когда ушла из сектора Т.М. Дридзе, стеснялась подходить к Батыгину со своими вопросами. Ей казалось, что она мешает ему заниматься чем-то более важным, насущным: «Так завидую вашему поколению, вашему нагловатому упорству, отсутствию какой-либо робости перед авторитетами». Но это была вовсе не наша заслуга. Геннадий Семенович раскрепощал раз и навсегда, нужно было лишь однажды переступить барьер, как это сделал когда-то я в Шанинке, подойдя с вопросами об эссе. Результаты научной работы не могут принадлежать одному человеку, авторство — лишь номинальный атрибут, необходимый для удобства поиска и обработки релевантной информации. Геннадий Семенович полностью реализовал эту норму, показал всем нам, как осуществляется коллективный исследовательский проект, как работает мертоновский принцип «коммунизма» без скатывания в канаву плагиата.

Когда-то в подборке студенческих шуток я прочитал, что Лазарсфельд и Поппер разбудили Батыгина. Его статью о Лазарсфельде я знаю. Что Вы могли бы сказать о влиянии на Батыгина работ Поппера?

В.А. Ядов не раз повторял, что Батыгин открыл для нас Новака. Однако при всей центральности этой фигуры для творчества Геннадия Семеновича теоретический язык описания он черпал от другого, куда более известного теоретика — Карла Поппера. Подавляющее большинство отечественных обществоведов относятся к Попперу исключительно как к исторической фигуре. Его методологические построения уже давно не критикуются, а искусное ведение аргументации не восприни-

мается всерьез, в качестве материала для формирования норм научных исследований. Для Батыгина, напротив, рассуждения о тотальности фальсификационизма в исследовательской практике, демаркации научного знания, нивелирование познающего субъекта до набора внятных характеристик и смирение перед ограниченностью любого языка описания выступали основой научного поиска. И вновь отсюда легко перейти к этике и эстетике (что не менее важно, на мой взгляд) позитивизма. Попперовский язык маркируется как постпозитивистский лишь в рамках исторических исследований людьми, укладывающими теоретические концепции в простые и понятные для учебников схемы. Для Батыгина, и через его восприятие — для нас, Поппер давал имена исследовательской реальности, позволял формировать и удерживать экспериментальную позицию в мире, где для этого нет никаких оснований. Утверждения об операционализации и концептуализации, о формировании пространства признаков, о выборе объекта и предмета исследования можно считать атавизмом, пережитком позитивистской традиции описания исследовательского процесса. Весьма многие так и поступают. Ирония, на которую указывал нам Батыгин, заключается в том, что, отказавшись от «позитивистского» языка описания, исследователи не отказались от сопутствующих ему исследовательских практик.

Можно играть этикетками, противопоставлять вдумчивый, глубокий качественный подход количественным процедурам. Но, когда снимается пелена слов, перед нами обнажаются все те же неказистые формулы, обязывающие совершать многократные переходы от мира слов (мира концептуальных определений) к миру социальных взаимодействий (измерительным операциям). Свою задачу Геннадий Семенович видел в точном, предельно корректном описании реализуемого исследования, дабы дать шанс другим подвергнуть сомнению и — на втором шаге — опровергнуть выдвигаемые суждения, вырабатываемые годами аксиомы. Поэтому так важен был Поппер с его прерогативой негативного высказывания, критики, абсолютно индифферентной по отношению к прошлым заслугам. «Предельная задача ученого — опровергнуть самого себя», — говорил Батыгин. Раз за разом повторяю это правило, но как же редко удается вырваться за рамки декларирования и действительно обнаружить и опровергнуть прошлые заблуждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42.
2. *Давыдов Ю.Н.* Этика любви и метафизика своеволия. М.: Молодая гвардия, 1989. — 318 с.
3. *Докторов Б.З.* Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е допол. изд. / Ред.-конс. А.Н. Алексеев; Ред. электр. издания

- Е.И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2014. — 1687 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 10.05.2016. URL: <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>>.
4. *Рогозин Д.М.* Автобиография в переписке с Борисом Докторовым. М.: Общероссийский общественный фонд «Общественное мнение», 2016 (в печати).
 5. *Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г.* История социологии: Учебник. М.: Издательский дом «Высшее образование и наука», 2007. — 444 с.
 6. *Подвойский Д.Г.* Геннадий Семенович Батыгин [In Memoiam] // Социологическая теория: История, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 821–828.

Дата поступления: 20.05.2016.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL(= SOCIOLOGICAL JOURNAL)

2016. VOL. 22. NO. 2. P. 154–178. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.2.4263

B.Z. DOKTOROV

Independent researcher, USA.

D.M. ROGOZIN

Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation.

D.G. PODVOYSKIY

Peoples' Friendship University of Russia; Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Doktorov Boris Zusmanovich — Doctor of Philosophical Sciences, Independent researcher (USA). **Email:** bdoktorov@inbox.ru

Rogozin Dmitry Mikhaylovich — Candidate of Sociological Sciences, Head of The Laboratory for Social Research Methodology, Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration. **Address:** 404 office, 11, bl. 1, Prechistenskaya nabereznaya, 119034, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7 (916) 482-30-35. **Email:** nizgor@gmail.com

Podvoyskiy Denis Glebovich — Social of Philosophical Sciences, associate professor, Sociology Chair, Peoples' Friendship University of Russia; leading researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. **Address:** 10/2, Miklukho-Maklaya str., 117198, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (903) 264-07-12.

Email: dpodvoiski@yandex.ru

THE SIXTH GENERATION OF SOCIOLOGISTS IS ALREADY WRITING OUR HISTORY

Abstract. The theoretical layer of this article acquaints its readers with a series of conceptual postulates and conclusions from the historical-sociological research conducted by B.Z. Doktorov which is based on interviews with Russian sociologists. The empirical chapter consists of fragments of interviews conducted by Doktorov with D.G. Podvoyskiy

and D.M. Rogozin, which helps grasp the teaching style of G.S. Batygin and reveal certain features of his personality. In the generational typology of Russian sociologists, which is under development by Doktorov, Batygin belongs to the fourth professional generation, while Podvoiskiy and Rogozin belong to the sixth. The recollections of young sociologists about their mentor are an example of effective communication between generations within the sociological community, and they cover certain aspects of our modern history. The authors consider the article in question to be a respectful tribute to G.S. Batygin — a pioneer in applying the biographical method of studying the history of Russian sociology.

Keywords: the history of Russian sociology, generational typology of Russian sociologists, communication between generations, the biographical method, G.S. Batygin.

REFERENCES

1. Batygin G.S., Devyatko I.F. Mif o “kachestvennoi sotsiologii”. [The myth of the “qualitative sociology”.] *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1994. No. 2. P. 28–42. (In Russ.)
2. Davydov Yu.N. *Etika lyubvi i metafizika svoevoliya*. [Ethics of love and metaphysics of self-will.] Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1989. 318 p. (In Russ.)
3. Doktorov B.Z. *Biograficheskie interv'yu s kollegami-sotsiologami*. 4th rev. ed. [Biographical interviews with colleagues-sociologists. 4th Revised edition.] A.N. Alekseev, E.I. Grigorieva (eds.). Moscow: TsSPiM Publ., 2014. 1687 p. [online]. Accessed 10.05.2016. URL: <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>>. (In Russ.)
4. Rogozin D.M. *Avtobiografiya v perepiske s Borisom Doktorovym*. [Autobiography in correspondence with Boris Doktorov.] Moscow: Obshcherossiiskii obshchestvennyi fond “Obshchestvennoe mnenie” Publ., 2016 (in print). (In Russ.)
5. Batygin G.S., Podvoiskii D.G. *Istoriya sotsiologii: Uchebnik*. Moscow: Izdatel'skii dom “Vysshhee obrazovanie i nauka” Publ., 2007. 444 p. (In Russ.)
6. Podvoiskiy D.G. Gennadii Semenovich Batygin [In Memoriam]. *Sotsiologicheskaya teoriya: Istoriya, sovremennost', perspektivy. Al'manakh zhurnala “Sotsiologicheskoe obozrenie”*. St Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2008. P. 821–828. (In Russ.)

Received: 20.05.2016.
